

«ПОЛНЫЙ ЗАРЕЗ». ПИСЬМО ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ К ЕВГЕНИЮ СОКОЛУ

АНТОН МАРИНИН
Родился в Москве в 1977 году.
Выпускник британского
университета. Работает
специалистом по связям
с общественностью.

Автор восьми сборников стихов. Переводчик Эредиа, Верхарна, Гейне и Гюго. Автор работ «Трактат о русском стихе», «Практическое стиховедение», пособия «Как писать статьи, стихи и рассказы». Профессор, действительный член Государственной академии художественных наук. Председатель Всероссийского союза поэтов. Думается, примерно такие сведения могли содержаться в воображаемой, датированной летом 1926 года, личной анкете Георгия Аркадьевича Шенгели (1894–1956). Несмотря на значимые регалии, Шенгели в силу разных причин (в том числе семейных) испытывал острый недостаток средств. По протекции либо Юрия Олеши, либо Михаила Булгакова в августе 1925 года он устроился на работу в «Гудок». Получив первый отпуск, Георгий Аркадьевич отправился в Крым, откуда в июле 1926 года и написал впервые публикуемое в «Юности» письмо к поэту, прозаику и переводчику Евгению Григорьевичу Соколу (настоящая фамилия – Соколов; 1893–1937).

Прежде чем перейти к письму, необходимо сказать несколько слов о Соколе. Он известен прежде всего как адресат более чем дюжины автографов Сергея Есенина. Эти автографы, среди которых встречаются довольно трогательные послания, свидетельствуют о весьма близкой дружбе Сокола и Есенина. В 1926 году Сокол занимал сразу три должности в структуре Всероссийского союза поэтов: был ответственным секретарем, секретарем редакции и заведующим издательством союза. Его служба, безусловно, предполагала тесные рабочие контакты с Шенгели, который не только возглавлял организацию, но и был ответственным секретарем ее издательства. В начале августа 1926 года Сокол стал сотрудником «Гудка». Хранящиеся в Орловском литературном музее И. С. Тургенева удостоверения свидетельствуют, что вплоть до сентября 1928 года он исполнял обязанности судебного репортера*. Трудоустройство Сокола, очевидно, состоялось не без

* Кондратенко А. И. Евгений Сокол – поэт революции // Орел литературный. 2017. №13. С. 31.

помощи Шенгели: работая фельетонистом «Гудка», Георгий Аркадьевич параллельно отвечал за раздел судебной хроники газеты. Говоря о рабочем тандеме Шенгели и Сокола во Всероссийском союзе поэтов, можно предположить, что именно они готовили к выходу первое издание книги Владимира Гиляровского «Москва и москвичи». В 1926 году в издательстве организации числились, не считая члена редколлегии Ивана Рукавишников, всего лишь два сотрудника. Ими были герои этой статьи; их должности указаны выше.

20/VII, 26, Севастополь.

Милый Евгений Григорьевич, получил ли ты мою телеграмму и мою открытку? Положение начинает становиться туговатым. Нина писала, что, ввиду отсутствия пароходов, ей пришлось ехать лошадьми, в силу чего она круто вышла из бюджета, и ей необходимо дослать 20–25 руб. У меня деньги совсем пришли к концу, и теперь я уже не могу даже вернуться в Москву, хотя прожить еще неделю здесь смогу. Между тем Москва меня надувает: мне должны были прислать – «Прибой» – 50 р., Местком – около 60, «Гудок» – 40 (полумесячный фикс), «Красн. Нива» – 30 (гонорар за перевод с турецкого), всего – 180 руб.; кроме того, Берлин поклялся, что к 25-му вышлет мне 100 р. Насчет Берлина не знаю, он не ответил мне на открытку, а остальные прислали шиш: ни копейки. И получается форменное безобразие. Пишу, шлю телеграммы, – молчание. Между тем в Севастополе ни заработать, ни занять невозможно. Полный зарез. Через неделю мне придется голодать.

Мне очень неловко утруждать тебя моими делами, но сейчас кроме тебя мне решительно не к кому обратиться в Москве. Будь так добр, зайди в «Прибой», в Местком, в «Красную Ниву», в «Гудок», подыми вопль, возьми за его тощие бока Берлина и устрой мне получку хотя бы пятидесяти р., но спешно, телеграфом. Я тогда немедленно выеду в Москву и уж устрой всем этим мерзавцам песнопение. И во всяком случае, извести меня телеграммой о результатах. Еще раз прошу меня простить, – но ей-богу, у меня вместо отдыха и поправки вышел ад: страшно тревожился о Нине*, не получая от нее ни строки, получил только вчера (через 26 дней после ее отъезда) письмо, первое; все время напряженно и тревожно ждал вестей и денег из Москвы и теперь приведен к совершеннейшей панике: ну что делать? Даже вещей не взял, которые можно было бы загнать. А машинку никто не купит: здесь в любом комиссионном магазине ремингтоны по сотне продаются, да ни один чорт не покупает. Итак – выручи. Приеду, – пригожусь тебе. И прошу: телеграфируй, вышло ли что-нибудь для меня и для Нины.

Всего доброго. Привет Ладе**.

Твой <от руки> Г. Шенгели

Садовая, 10, кв. Дурневой***.

Письмо Шенгели, на первый взгляд, представляет собой лишь банальный крик о помощи. Первое впечатление обманчиво: оно содержит интересную и очень ценную информацию о заработках поэта во второй половине 1920-х годов. Попытаемся сначала проанализировать эту информацию,

* Нина Леонтьевна Манухина (урожд. Лукина; 1893–1980) – поэтесса и переводчица, вторая жена Г. А. Шенгели.

** Лада Руставели (псевдоним, настоящее имя – Екатерина Александровна Васильева; 1892–1953) – поэтесса и переводчица, жена Е. Г. Сокола, близкая подруга Н. Л. Манухиной.

*** Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 40. Оп. 1. Оф. №11246/3.

† Председатель Всероссийского союза поэтов Г.А. Шенгели (в центре) в окружении должностных лиц организации. Второй слева — Е.Г. Сокол. Москва, ок. 1926 года. РГАЛИ

а затем сопоставим доходы Шенгели с заработной платой, которую получали рабочие, госслужащие и кооператоры Московской губернии в 1926–1927 годах.

Шенгели пишет, что ленинградское издательство «Прибой» должно было прислать ему 50 рублей. Исходя из того, что «Прибой» в 1926 году выпустил второе издание книги Шенгели «Практическое стиховедение», можно смело утверждать, что эта сумма являлась частью авторского вознаграждения. О подработке Шенгели в каком-то московском месткоме, к сожалению, ничего не известно. Согласно трудовому договору с «Гудком», заключенному 2 февраля 1926 года, Шенгели («П. Ковров») обязывался писать минимум по четыре прозаических фельетона в месяц. Его месячный фикс составлял 80 рублей (каждый фельетон оценивался в 20 рублей). Договор также допускал переработку, которая оплачивалась во второй половине месяца*. В мае 1926 года «Гудок» опубликовал семь фельетонов Шенгели. Из имеющейся у нас информации следует, что фельетонист «Платон Ковров» получил 40 рублей в конце мая, такую же сумму в начале июня и еще 60 рублей во второй половине июня. Итого — 140 рублей. И это только за фельетоны! В том же мае на знаменитой четвертой полосе «Гудка» появились восемь судебных отчетов Шенгели. Несмотря на то что договор судебного репортера Шенгели («А. Троля») не сохранился, попробуем примерно посчитать, какую сумму он мог заработать, обслуживая судебные процессы. Чтобы справиться с этой задачей, обратимся к воспоминаниям писателя Эмиля Миндлина (1900–1981).

* РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 1.

В середине и во второй половине 1920-х годов Миндлин работал в газете «Вечерняя Москва». В его книге «Необыкновенные собеседники» встречаются такие строки: «Маяковский часто бывал в редакции. Как-то, увидев, что я сдаю фельетон, он спросил:

– Сколько платят хозяева?

Я сказал.

– Мало. Надо заставить их уважать труд пишущих. А за судебный отчет сколько платят?

Сколько платят за судебный отчет, я не знал и подозвал судебного репортера, вернее, репортершу – уже пожилую журналистку Мезенцеву. Она сказала Маяковскому, сколько получает за судебный отчет: «Шесть, семь рублей. За большой или сенсационный – десять»*.

Если в «Вечерней Москве» и, допустим, в «Гудке» в действительности так оплачивался труд судебного репортера, то выходит, что Шенгели за май заработал около 60 рублей: из восьми его судебных отчетов как минимум три были большими или сенсационными. Итак, зафиксируем: доход Шенгели только от майских публикаций в «Гудке» составил не менее 200 рублей.

Обнаруженные в фонде Шенгели в РГАЛИ переводы Мехмета Эмина (1869–1944) – ключ к разгадке фразы «гонорар за перевод с турецкого». Публиковавшиеся в журнале «Красная Нива» стихотворения, как правило, не превышали тридцати двух строк. То же самое можно сказать и о переводах стихотворений зарубежных поэтов. Получается, что Шенгели ожидал получить от журнала гонорар в 30 рублей за перевод некоего стихотворения Эмина длиной максимум в восемь четверостиший. Весомое пополнение бюджета за не слишком тяжелый труд!

В адресной и справочной книге Москвы на 1927 год встречаются пять издательских работников по фамилии Берлин. Кого же из них Шенгели мог упоминать в своем письме? Наиболее подходящая кандидатура – председатель правления издательства «Вопросы труда», член правления издательства «Советская энциклопедия» Борис Михайлович Берлин (?-?). Вероятно, именно от него Георгий Аркадьевич и ожидал получить, как мы уже понимаем, относительно приличную сумму денег. Учитывая некоторые факты, нельзя исключать, что Шенгели принимал какое-то участие в работе над первым томом БСЭ. Одним из основателей энциклопедии и редакторов ее первого, вышедшего в марте 1926 года тома был Валерий Брюсов. Он же участвовал в выработке общего плана издания. Шенгели – его ученик.

Разобравшись более или менее в вопросе зарплаты и гонораров Шенгели, перейдем к сухой статистике. Средний месячный заработок рабочих Московской губернии в 1926–1927 годах составлял 68 рублей 68 копеек**. В мае 1927 года средний заработок столичных госслужащих выглядел следующим образом: милиционеры и охранники общественной безопасности получали 61 рубль 20 копеек; работники просвещения – 86 рублей 50 копеек; сотрудники коммунальных служб – 91 рубль 70 копеек; работники лечебных учреждений – 60 рублей 40 копеек***. Бухгалтер столичного кооператива в 1927 году мог зарабатывать около 250 рублей в месяц****.

* Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М.: Советский писатель, 1968. С. 111–112.

** П.А. Заработная плата рабочих и служащих Московской губернии в 1927/1928 г. // Вопросы труда. 1928. №12. С. 111.

*** Там же. С. 113.

**** Шенгели Г.А. Из зала Московского губернского суда: Избранные репортажи (1926–1927). Сост., предисл. и коммент. А.В. Маринина. М.: Нестор-История, 2021. С. 149.

Игнорируя спорадические статьи дохода поэта и беря в расчет только его примерный ежемесячный заработок в «Гудке», мы приходим к совершенно неожиданному выводу: Георгий Аркадьевич явно не бедствовал. То обстоятельство, что он отправился в Крым не по путевке, а исключительно на собственные средства, лишний раз это доказывает. Приехав в Севастополь, Шенгели явно рассчитывал получить несколько денежных переводов из Москвы. Не получив хотя бы наименьшего по величине перевода от «Красной Нивы», внезапно оказался в ситуации «полного зареза». К тому же еще и без вещей, которые мог бы продать. Любопытно: откуда у него все-таки взялись деньги на еду и на обратный железнодорожный билет? Судя по публикациям в «Гудке», Шенгели сумел благополучно вернуться в столицу уже в первых числах августа. Помог ли ему Сокол, успешно взявший товарища Берлина «за его тощие бока», или же сам Шенгели умудрился достаточно быстро продать какому-то «чорту» свою пишущую машинку – этого мы никогда уже не узнаем.

